

Материалы по истории русской школы за рубежом.

Печатаемыми ниже двумя статьями редакция приступает к опубликованию материалов по истории русской школы за рубежом и обращается к лицам и к организациям, как руководящим функционирующими еще школами, так и руководившим школами уже закрытыми, с просьбой о составлении истории их школ или о присылке материалов для нее.

Редакция.

Первая Константинопольская гимназия Всероссийского Союза Городов.

5 августа 1920 г. в маленьком, но очень уютном помещении Временного Глав. К-та В. С. Г. в Константинополе на Фармак-Капу я впервые познакомился с Ад. Вл. Жекулиной. Я был приглашен для беседы о возможности организации в Константинополе гимназии для детей русских беженцев. Откровенно говоря, я как-то слабо верил в осуществимость задуманного предприятия: с одной стороны, успехи ген. Врангеля в Крыму и естественная в связи с этим тяга на родину, с другой, слишком смело и грандиозно, казалось, создавать русскую гимназию при наличии английских, французских и др. колледжей, да наконец, казалось, невозможным найти и материальные средства на это...

В назначенный час, в 5 часов вечера, мы вдвоем с одним из моих друзей пошли, и при первой же попытке высказать свои скептические соображения я не только был разбит на голову, но сам невольно увлекся этой идеей и настолько поверил в ее осуществимость, что все препятствия стали мне казаться какими-то маленькими и легко преодолимыми. Чем же было рассеяно это недоверие? Когда я теперь вспоминаю этот вечер, то с удивлением вижу, что никаких положительных данных не указывалось, но Ад. Вл. произвела на нас прямо ошеломляющее впечатление своим энтузиазмом, верой в свои силы, в Россию, а главное тем педагогическим огнем, который создал ей славное имя еще на юге России. Слушая ее, мы как-то невольно прониклись тем же энтузиазмом, как-то невольно начинали верить в себя и смелее смотреть на будущее. Беседа затянулась далеко за полночь, говорили о типе школы, о методах преподавания и воспитания, о новых течениях в педагогике и — главное — больше всего о русских детях, их ужасной судьбе сейчас и о необходимости все силы употребить на то, чтобы им помочь; во время обмена мнений выяснилась полная необходимость создания школы непременно с интернатом, и при том школы совместного обучения; в основу решено было положить программы гр. Игнатьева, но сделав в них кое-какие перемены, сообразно с новыми условиями жизни. Чрезвычайно проблематично стоял вопрос о финансах: А. В. обещала употребить все силы на то, чтобы привлечь интерес иностранных и русских организаций — и только! На прощанье было окончательно решено немедленно приступить к работе. Мне было поручено организовать гимназию, т. е, наметить учебный план, таблицу, составить сметы и приступить к формированию педагогического персонала.

На следующий же день утром мы с А. В. отправились на о. Проти осмотреть находившийся там приют, который должен был составить зерно будущей гимназии; там в тот же день были приглашены первые должностные лица будущей гимназии. Через несколько дней была представлена в Гл. К-т С. Г. докладная записка с приложением учебного плана, таблицы и сметы гимназии, и 19 августа Комитет все это утвердил и назначил меня Директором проектируемой гимназии, поручив в первую очередь заняться подысканием соответствующего помещения.

С 20-го августа начался прием прошений о поступлении в гимназию, и в короткое время (до 15 сентября) число их достигло 200 — первоначально намеченный Гл. К-том комплект учащихся гимназии. С того же 20-го августа начались поиски помещения: задача оказалась гораздо более сложной, чем можно было подумать сначала. Была привлечена к делу целая серия комиссионеров, не осталось, кажется, неосмотренным ни одного уголка Константинополя от Стамбула до Шишли и от Пера до Буюк-Дере, а подходящего помещения или не находилось, или условия оказывались совершенно неприемлемыми. Наконец в Нишанташе найден был роскошный дворец, принадлежащий одному из родственников Султана, громадное помещение (более 40 комнат) с садом и двором, цена казалась довольно умеренной (12000 тур. лир в год), и начались бесконечные переговоры о деталях условий. С чисто азиатской любезностью Принц принимал, угощал великолепным кофе и придумывал все новые и новые отговорки. Когда, казалось, все было предусмотрено и оставалось только заключить контракт, то совершенно неожиданно Светлейший Принц заявил новое требование: на контракте должна быть подпись видного турецкого банка, ручающегося за правильность платежей, сохранность имущества и соблюдение всех пунктов договора. Это условие оказалось совершенно невыполнимым, но Принц стоял на своем, и пришлось отказаться от его дома. Это требование Принца было как бы сигналом:

все следующие домохозяева стали предъявлять тоже условие. Поэтому только в ноябре месяце после долгих поисков и мытарств удалось снять большой дом (33 комнаты) на Топ-Ханэ, где в конце концов после чрезвычайных усилий и была открыта гимназия. Пока шли все эти подготовительные работы, А. В. Жекулина была командирована Гл. К-том в Крым для переговоров с правительством ген. Врангеля об открытии русской гимназии в Константинополе. В лице Начальника Гражданского Управления Тверского А. В. Жекулина нашла поддержку, и отношением от 25 сентября 1920 г. за № 11289 Правительство Юга России разрешило Главному К-ту В. С. Г. открыть в Константинополе гимназию со всеми правами русских правительственных учебных заведений за границей. Отношением от 13/28 октября за № 568 была утверждена, правда, с довольно существенными изменениями, учебная табель гимназии. Изменения коснулись главным образом увеличения числа уроков математики за счет новых языков и естествоведения в старших классах.

Приблизительно к концу октября месяца удалось установить следующие отношения с иностранцами и русскими организациями: Американский Красный Крест обещал дать оборудование для интерната, часть белья и одежды и на 6 месяцев продуктов питания на 100—150 человек; Представитель Американских благотворительных организаций мистер Уитимор обещал уплатить половину годовой стоимости помещения и учредить в гимназии 20—25 стипендий; возглавляющий общину Меннонитов мистер Миллер обещал оплатить вторую половину годовой стоимости помещения; Всероссийский Земский Союз взял на себя оборудование классов (парты и шкафы), записывая стоимость его долгом за В. С. Г. Кроме того, ко дню открытия гимназии обещал выдать заимообразно ссуду в 2000 тур. лир; Комитет по оказанию помощи русским беженцам (ген. Половцев) учредил 9 стипендий и внес плату за 6 месяцев вперед (750 тур. лир — это была первая сумма, фактически полученная гимназией в конце ноября).

Между тем разразилась Крымская катастрофа, Константинополь буквально! наполнился русскими беженцами, нужда достигла колоссальных размеров, стали раздаваться голоса: «когда люди умирают с голоду, тут не до школ» и т. п., с большим трудом удавалось отстаивать необходимость школы именно теперь, когда потерял последний клочок родной земли. Наконец, в половине ноября состоялось окончательное совещание членов Главного Комитета В. С. Г. по вопросу об открытии гимназии, на совещание была приглашена представительница м-ра Уитимора Н. С. Сомова и директор гимназии. Изложив всю фактическую сторону дела, П. П. Юренев (Председатель К-та) заявил, что наличность кассы позволяет дать на гимназию в настоящий момент всего 30 тур. лир. и поставил

директору категорический вопрос, рискует ли он при изложенных условиях взяться за организацию дела с тем, чтобы до января не рассчитывать на денежную поддержку. Оговорив себе право в случае необходимости сокращать число уроков и целиком сохранять для гимназии все поступления за правоучение, директор согласился.

На следующий день был заключен контракт на помещение и началась энергичная работа по подготовке здания: пришлось сделать кое-какой ремонт, выбелить и основательно вычистить; необычайную энергию в этом проявил м-р Уитмор, который не только принял на свой счет производство ремонта, но сам лично наблюдал за ним, ежедневно проводя не менее 3—4 часов на работах. Одновременно с этим началась доставка из Американского Красного Креста оборудования интерната и продуктов, а из Земского Союза — оборудования классов. Только к 3-му декабря удалось более или менее привести в порядок здание и в тот же день к 8 часам вечера были приняты в интернат первые 27 человек детей из Протийского приюта, а уже в 9 ч. вечера приехали 8 человек представителей Американского Красного Креста и общины Меннонитов — «посмотреть, как устроены дети». 4-го декабря состоялось первое организационное заседание Педагогического Совета. Состав его был сформирован уже полностью: были приглашены преподаватели всех предметов, две воспитательницы для девочек и два воспитателя для мальчиков и врач гимназии. При формировании корпорации, конечно, пришлось считаться с тем фактом, что просуществовавшие 2—3 месяца школы С. Г. на Принцевых Островах дали известный кадр педагогов, которым необходимо было предоставить работу, затем пришлось воспользоваться услугами Бюро Труда при Земском Союзе и, учитывая предшествующий педагогический стаж, приглашать лиц, обладающих лучшей подготовкой. Во всяком случае без большого педагогического стажа в составе преподавателей оказались только преподаватели новых языков. Сложнее обстояло дело с воспитательским персоналом: здесь специальной подготовки искать не приходилось, так как в дореволюционной России соответствующих учреждений не было, руководствоваться воспитательским стажем русских закрытых учебных заведений было опасно, так как такие воспитатели, несомненно, придали бы школе ту специфическую окраску, которая была нежелательна; поэтому здесь пришлось руководствоваться исключительно знанием людей и в воспитателе искать прежде всего «хорошего человека», любящего детей и понимающего их психологию.

После взаимного ознакомления персонала, директор изложил свои взгляды на ведение дела в организуемой гимназии: «Ознакомившись с составом учащихся, я прихожу к заключению, что педагогическому персоналу предстоит колоссальный труд. В детях, которые попадают под ваше руководство, вы, господа, имеете совершенно исключительный материал, которому прежде всего нужна «педагогическая терапия», так как в большинстве это — дети больные, зараженные всеми ужасами революционной эпохи и гражданской войны, многие из них по нескольку лет были на фронте и не брали в руки книги, но все это — наследие нашего жестокого времени, это надежда России, ее будущие строители. Поэтому на нас лежит святая обязанность залечить их душевные раны, приготовить их к жизни, сделать из них людей. Как достигнуть этого? Нам нельзя думать только о снабжении учащихся каким-нибудь комплексом знаний; мы раз навсегда должны отказаться от старой пассивной школы. Само собой выдвигается на первый план задача воспитания: мы обязаны *воспитать* детей, а все остальное будет достигаться легко; нельзя думать о развитии только интеллекта, когда больна вся душа. Но мы не можем признать для себя приемлемым и метод «воспитывающего обучения», который, быть может, и имеет много хороших сторон, но для данного момента непригоден. Весь строй школы должен быть поставлен так, чтобы уроками, рекреациями, жизнью в интернате действовать на всю душу ребенка или юноши, одновременно лечить, воспитывать и учить. Наша школа должна стать прежде всего школой-семьей, где жизнь педагога неразрывно связана с детской жизнью, где не будет двух лагерей: «мы» и «они», а все будут спаяны во-едино. Далее наша школа, в виду переживаемого времени, должна

думать о воспитании воли, характера, борьбе с той дряблостью и мягкотелостью, которая так разительно сказалась в русской интеллигенции в годину тяжелых испытаний. Наконец, третье — и, может быть, самое важное: руководясь новейшими течениями педагогики и психологии, наша школа должна быть строго национальной, на нас лежит трудная и ответственная задача — сохранить в детях, а в нужных случаях зажечь святой огонь любви к утраченной Отчизне, познакомить их с величием родной истории, красотой родной поэзии и литературы — словом, дать знание и понимание родного края».

Педагогический Совет единогласно признал обязательными высказанные директором положения и постановил принять их к неуклонному руководству.

5-го декабря состоялось торжественное открытие гимназии. Чудный летний день, в окна видны голубые воды Босфора, маленькая зала (будущий женский дортуар) переполнена детьми и гостями, Преосвященный Анастасий, после краткого молебна, обращается с вдохновенным словом к присутствующим, разъясняя смысл переживаемого события. Далее следуют приветственные речи представителей русских и иностранных организаций и программная речь директора.

Среди присутствующих блестящие мундиры американцев, англичан, французов, черные сюртуки русских и нарядные платья дам. Подробным осмотром здания закончилось торжество. 6-го и 7-го декабря были произведены приемные и поверочные испытания, учащиеся распределены по классам, и с 8-го декабря начались занятия — будни гимназической жизни. Гимназия начала функционировать в составе приготовительного и семи нормальных классов при 321 учащемся, из коих было 125 девочек и 196 мальчиков; первоначально в интернат было принято всего 100 человек, и интернат мужской и женский был помещен в том же здании. Но скоро жизнь показала, что потребность в интернате, снабжающем не только помещением, но пищей и одеждой, значительно больше: уже 17 января было открыто первое отделение интерната в Бешикташе, куда были переведены мальчики из основного помещения, заполненного исключительно девочками; это отделение имело 50 учеников. В апреле месяце было открыто II отделение интерната в Фундукли на 72 человека и, наконец, в июле месяце III отделение в Татавле на 20 учеников. Таким образом школа в конечном итоге имела 240 интернов, живущих в четырех местах, находящихся на расстоянии 10—40 мин. ходьбы от гимназии. Едва ли надо говорить, какое неудобство для персонала и для учащихся представляла такая разбросанность интернатов: по неволе приходилось расширять компетенцию заведующих, ограничиваясь общими указаниями и общим руководством ведения дела воспитания, которое все же продолжало быть главной задачей персонала. Для объединения деятельности воспитателей, число которых был доведено до 7, для регулирования их мероприятий, для ближайшего ознакомления с детьми и выработки мер воспитательного воздействия была создана так называемая воспитательская конференция, первое время собиравшаяся еженедельно в составе всех воспитателей, врача и директора гимназии. Роль этой конференции оказалась чрезвычайно важной, так как благодаря происходившему здесь обмену мнений всегда удавалось найти более правильный путь подхода к детской душе, и даже тогда, когда отдельные воспитатели или воспитательницы приходили в отчаяние от неподатливости натуры ребенка, конференция находила способы воздействия. Здесь же совершенно ясно созрела мысль, что наиболее успешно можно достигнуть установления дисциплины и порядка путем предоставления учащимся начал самоуправления, путем развития среди них кружковой жизни. К сожалению, эту мысль полностью осуществить не удалось: она вылилась только в организацию школьного суда, дважды собиравшегося в экстренных случаях, и создание ученического кружка «Общество Объединения Русского Юношества», имевшего чисто культурные цели — самообразования путем чтения рефератов, докладов, лекций и т. п. Разновозрастность (9—23 лет) и разнородность (от самых демократических слоев населения до титулованных) состава учащихся при совместном обучении, конечно, представляла наибольшую трудность воспитания, но приходится сказать, что именно эта совместность и оказала

наибольшую пользу: женский элемент, несомненно, сыграл громадную облагораживающую роль. Буквально с каждым днем чувствовалось смягчение той грубости манер и выражений, с которой бывшие «воины» пришли в гимназию; можно было наглядно убеждаться, как эти преждевременно состарившиеся юноши вновь становились детьми, как постепенно исчезала глубокая складка не то задумчивости, не то презрения, образовавшаяся у многих на лбу. Атмосфера расчищалась в общем, но отдельные лица продолжали оставаться «дикими зверьками» и как-то исподлобья смотрели на все происходящее. Большинство не верило в прочность этой «затеи», им казалось, что пройдет неделя-другая, и это «благополучие» кончится, а там... снова улица, снова голод и нищета, в лучшем случае тяжелый физический труд на Константинопольской пристани. Помню, как однажды в канцелярию гимназии явился малыш лет 12—13 и умолял принять его в гимназию. На его счастье в интернате было свободное место; я согласился его взять и сказал, чтобы завтра он приходил на экзамен, а сегодня он должен пойти в баню и одеться. Надо было видеть выражение его лица, когда он узнал, что принесенные из склада вещи предназначаются ему: «Это всё мне?! А если я продам, чтобы купить хлеба, бить будете?» Когда я объяснил ему, что продавать не надо, так как он жить будет в гимназии и питаться будет тоже здесь, что он будет получать не только хлеб, но и кофе, и завтрак, и обед, только бы учился и хорошо вел себя, ребенок долго и недоверчиво смотрел на меня, потом неопределенно покачал головой и только промолвил одно слово: «Чудно!». . . Определенная нивелировка учащихся и создание общего настроения школы сильно затруднялось тем, что состав учащихся в значительной мере был подвижным, как подвижной была беженская масса, еще прочно не осевшая, а только искавшая пристанища; это была волна, нахлынувшая на Константинополь и начавшая рассасываться по разным странам с первых же месяцев 1921 г. Общее число учеников гимназии в среднем колебалось от 300 до 350, а между тем почти за 13 месяцев существования гимназии через нее прошло 960 учащихся, как это видно из следующих данных:

1920 г.		1 9 2 1 г.											
Декабрь		Январь		Февраль		Март		Апрель		Май		Июнь	
Приб.	Уб.	Приб.	Уб.	Приб.	Уб.	Приб.	Уб.	Приб.	Уб.	Приб.	Уб.	Приб.	Уб.
321	—	1	—	50	74	50	20	37	17	9	12	64	49
		1 9 2 1 г.											
Июль		Август		Сентябрь		Октябрь*)		Ноябрь		Декабрь		Всего	
Приб.	Уб.	Приб.	Уб.	Приб.	Уб.	Приб.	Уб.	Приб.	Уб.	Приб.	Уб.	Приб.	Уб.
—	7	66	20	—	1	362	137	—	—	—	—	960	339

Эта «подвижность» состава учащихся не могла не отражаться и на чисто учебной жизни. Содержание и направление послед

*) Формирование комплекта для переезда в Чехословакию.

ней определялось: 1) утвержденными Крымским Правительством программами и учебной таблицей, 2) постановлениями Педагогического Совета и 3) решениями комиссии классных наставников, которые в большинстве случаев восходили на утверждение Педаг. Совета и только в экстренных, не терпящих отлагательства случаях непосредственно проводились в жизнь.

В основу гимназических программ были положены последние распоряжения М-ва графа Игнатьева, но с некоторыми изменениями: латинский язык начинался не с III-го, а с V-го класса и всё время имел по 3 урока; усилено изучение новых языков: преподавалось три — французский, немецкий и английский, при обязательности изучения двух, введены практические разговорные уроки французского языка по группам три раза в неделю; введены обязательные уроки ручного труда (главным образом сапожное ремесло); во внеурочное время организованы специальные курсы рукоделия и изящных работ для девочек, при содействии представительниц Американского Кр. Креста, взявших на себя бесплатно преподавание и снабжение учащихся материалом.

Педагогический Совет, состоявший из всех преподавателей и воспитателей, имел в своем составе двух представителей от В. С. Г., представительницу м-ра Уитимора, как лица, оказывавшего наибольшую материальную поддержку учреждению, и врача гимназии.

Ознакомившись с познаниями учащихся и их составом, Совет на одном из первых заседаний вынес постановление, что для нормального и успешного прохождения курсов необходимо по каждому предмету предварительно дать конспективное повторение всего предыдущего, на что был потрачен весь первый семестр (до 5-го марта): 6-го июня было назначено окончание учебного года и сделаны переводы в следующие классы.

Учитывая настроение учащихся старших классов и желая наверстать потерянное время и пополнить образовавшиеся пробелы, Педагогический Совет решил провести год без летних каникул, и поэтому, после перевода в следующие классы, занятия продолжались. Однако в полной мере это было осуществлено только по отношению к двум отделениям VIII класса, которые усиленным темпом готовились к экзаменам на аттестат зрелости и, по мысли Пед. Сов., должны были осенью закончить курс гимназии, чтобы сейчас же поступить в высшие учебные заведения. Всем остальным классам посменно был предоставлен двухнедельный отдых, для чего В. С. Г. было снято великолепное помещение с садом на берегу Мраморного моря в Эрен-Кее; туда под руководством воспитателя и в сопровождении одного или двух преподавателей выезжали на две недели два класса, потом им на смену другие два и т. д. Дачная жизнь была организована по тому же принципу, что и в гимназии, но взамен уроков преподавателями устраивались совместные чтения и научные беседы по специальности каждого; кроме того, дети были привлечены к работам в огороде и поле и в общем, за время пребывания всех классов на даче, на это было употреблено 8635 рабочих часов и обработано 11.106 кв. саж. Только сравнительно небольшая группа учащихся (32 человека), слабогрудых или слишком истощенных, была задержана на даче долее двухнедельного срока — на 4 и даже 6 недель, а все остальные пробыли только положенные 14 дней. Несмотря на такой короткий срок, отдых получился полный, разумно использованное времяпрепровождение и морские купанья сделали свое дело: по общему мнению, учащиеся поправились, еще более окрепли и повеселели; всё это сказалось и на повышении успешности тотчас после дачного пребывания. Период сменного пребывания на даче охватывает время с 11-го июля до конца сентября.

Педагогическим Советом был выработан совершенно особый план занятий в течение летнего семестра; всё, требующее заучивания, связанное с упражнением в письме —

словом, соединенное с обязательным сидением в душном классе, в обычной обстановке, отнесено на осенний семестр, а летний был использован преимущественно для практических занятий с тем, что уроки в большинстве случаев происходили на открытом воздухе; по новым языкам — почти исключительно разговорные, по естествоведению — собирание коллекций и гербария; с той же целью был выработан обширный план экскурсий, но недостаток материальных средств не позволил полностью осуществить этот план; всего было проведено 12 экскурсий при 711 участниках, не считая посещений храма Св. Софии в Стамбуле, где перебивали все учащиеся.

Между тем занятия с VIII кл. шли самым усиленным темпом, и, благодаря поразительной энергии, проявленной учащимися, Педагогический Совет признал возможным начать выпускные экзамены с 20-го августа. Считая, что первому выпуску необходимо придать возможно большую гласность и обставить экзамены так, чтобы была устранена малейшая возможность нареканий и сомнений в правильности и достаточности требований, предъявленных к абитуриентам, Педагогический Совет нашел нужным пригласить для присутствия на экзаменах наиболее компетентную в этом деле организацию — Академический Союз Русских Профессоров в Константинополе. — Союз делегировал проф. А. А. Копылова.

По мнению всех экзаменационных комиссий, абитуриенты обнаружили не только вполне достаточные, но по многим предметам курса настолько хорошие знания, что редко даже в довоенное время приходилось слышать такие блестящие ответы на экзаменах. Педагогический персонал был далек от мысли приписывать себе такие достижения и отнес их исключительно к тому необыкновенному рвению учащихся, которое было результатом «учебного голода», накопившегося за 4—5 летний перерыв и сказывавшегося в том, что во время учебного года приходилось не побуждать учащихся к занятиям, а сплошь и рядом сдерживать их непомерное рвение. Общий итог работ VIII класса выразился в том, что из 52 учеников только двое по неуспешности, вызванной болезнью, не были допущены к испытаниям, а остальные 50 получили аттестаты зрелости, при чем 7 человек, имевших круглое 5, удостоены права на награждение золотой медалью, и 9 человек, при 4,5 в среднем и при полном отсутствии троек, удостоены права на серебряную медаль, таким образом 32% учащихся окончили курс с отличием,

20-го сентября 1921 года состоялся в гимназии акт 1-го выпуска. Акт носил исключительно торжественный характер: вся гимназия разукрасилась цветами, зеленью и флагами всех национальностей, принимавших участие в ее поддержке. В 11 ч. утра был отслужен торжественный молебен Епископом Вениамином, и все направились в столовую, превращенную в актовъй зал, и в смежный со столовой класс, где была устроена выставка ученических работ.

От имени Педагогического Совета очень теплую и воодушевленную речь сказал проф. С. К. Гогель. Затем почетными гостями были розданы абитуриентам аттестаты, и от лица окончивших курс были произнесены отдельными представителями благодарственные речи и поднесены адреса: Педагогическому Совету, Директору, А. В. Жекулиной, Всероссийскому Союзу Городов, м-ру Уитимору и Американскому Красному Кресту. Праздник закончился большим танцевальным вечером. Абитуриенты употребляли все силы, чтобы сделать этот день возможно торжественнее, как будто чувствуя, что здесь дело касается не только окончания курса 50-ю человеками, но устанавливается известная традиция школы, закладывается первый камень того фундамента, на котором будут строиться своеобразные школьные обычаи.

Сложившиеся условия жизни однако не освобождали гимназию от забот об окончивших курс; в самом деле: из 50 абитуриентов всего 4—5 человек имели родных в Константинополе и могли с окончанием курса уйти из школы, а остальные не имели буквально никого и ничего! Выдача аттестатов дала возможность, так сказать, «сбросить их со счетов» Педагогического Совета, но ставила перед гимназией вопрос: «что с ними делать дальше?» Попечительным Советом решено было использовать опять-таки

ЭренКей, куда и были направлены абитуриенты для огородных работ впредь до устройства их в высшие учебные заведения.

С первых чисел октября был произведен прием взамен окончивших, но в этом же месяце окончательно выяснилась материальная невозможность существования гимназии в Константинополе и решен был ее переезд в Чехословакию в расширенном виде. Комплект учащихся был доведен до 550 учеников, соответственно расширен и комплект педагогического и служебного персонала: число воспитателей было доведено до 11, преподавателей до 24 и служебный персонал увеличен на 20 человек. Последние два месяца 1921 г. прошли в настроении ожидания переезда, непрерывных хлопотах, связанных с этим вопросом, и в сборах.

Финансово-хозяйственной частью гимназии в Константинополе ведал Попечительный Совет, который был сформирован по закону 1-го июля 1914 года. В состав его входили три представителя от Педагогического Совета, два представителя от В. С. Г., один представитель от Земского Союза, представитель м-ра Уитимора, директор гимназии, его помощник и врач.

Председательницей Попечительного Совета была представительница В. С. Г. А. В. Жекулина. Финансовый вопрос был конечно самым большим и трудным в начале; декабрь 1920 г., январь и февраль 1921 г. прошли с очень большими затруднениями, и только с марта месяца 1921 г., когда Союз Городов стал получать регулярные ассигнования от Земско-Городского Объединения в Париже, гимназия стала на твердую почву. Гимназия, как выше было сказано, открывалась почти при полном отсутствии денег, и на горизонте, кроме слабых надежд, ничего не виднелось. Уже на первом заседании Педагогического Совета директор сообщил персоналу, что плата в размере одной турецкой лиры за каждый данный урок, назначенная сейчас персоналу, быть может, окажется непосильной и ее придется значительно уменьшить и даже свести к минимуму. Педагогический Совет единогласно постановил: «Довести до сведения Главного Комитета В. С. Г., что, оценивая всю энергию, проявленную учредителями, и признавая всю важность существования гимназии, Педагогический Совет не боится материальных невзгод и готов будет работать даже бесплатно, если настанут трудные времена; он приложит все усилия, чтобы не дать заглухнуть этому великому начинанию». Такое постановление ярко характеризует настроение корпорации и определяет всю дальнейшую линию ее поведения. Когда действительно настали для Главного К-та финансовые затруднения (август 1921 г.), то корпорация очень охотно пошла на уменьшение жалованья административно-служебному персоналу и понижение поурочной платы на 25%. В общем нужно сказать, что Попечительный Совет с честью разрешил больной финансовый вопрос: за время существования гимназии в Константинополе только одни денежные расходы на ее содержание выразились солидной цифрой в 58593,62^{1/2} турецких лир. Откуда же и как была получена такая сумма? Несомненно, энергия членов Попечительного Совета и была направлена главным образом на изыскание средств: привлекалось буквально все, что можно было привлечь! По приходные статьи денежных книг значится, что Главным Комитетом В. С. Г. было ассигновано 32654,05 турецких лир, мистером Уитимором 11553,08, иностранными организациями 3076,63, русскими организациями и частными лицами 6414,41 1/2 и родителями учащихся 5021,451/2; всего 58719,63 турецких лир. Все эти поступления, в подавляющем большинстве случаев, выражались в форме учреждения стипендий или платы за нравоучение приходящих. В среднем содержание каждого ученика обошлось 4,69 в месяц или 0,16 т. л. в день при готовых в значительной мере продуктах питания и одежде. Если же принять во внимание, что помощь Американского Красного Креста инвентарем и продуктами определяется приблизительно цифрой в 21913,43; м-ра Уитимора, помимо указанной суммы, еще в 6400 т. л. плата за помещение, тоже м-ра Миллера— 1600 т. л.; помощь Международного Красного Креста бельем и продуктами — 7643,55; В. С. Г., кроме упомянутой суммы, инвентарем, обувью и учебными пособиями — 6432,40; то получится, что общая сумма расходов на гимназию

выразится цифрой 102583 турецких лиры, что в среднем даст стоимость одного ученика в месяц 7,891 т. л. или в день около 26 пиастров на человека.

Трудно указать какую-нибудь более или менее крупную общественную организацию, которая не проявила бы своего доброго отношения к гимназии: кроме уже упомянутого Комитета помощи беженцам, комитет баронессы Врангель имел своих стипендиатов, Донское и Терское Казачьи Правительства, Комитет «Казачья Помощь», Центральный Объединенный Комитет (Цок) и Политический Объединенный Комитет (Пок). Интерес к гимназии со стороны всех этих учреждений проявлялся не только в создании стипендий, но представители их старались на деле возможно ближе ознакомиться с гимназией, посещали классы, столовую, дортуары, церковные службы и т. д.

Большую сложность представляла собой и забота о хозяйственной части гимназии, также лежавшая на Попечительном Совете: рациональное питание детей, должная постанова медицинская помощь, соблюдение условий санитарии и гигиены, снабжение учащихся одеждой, обувью и бельем и т. д.

Питание было организовано так, что живущие в интернатах, при утреннем кофе, завтраке, обеде и вечернем чае, получали не менее 2800—3000 больших калорий, а для слабых и особенно истощенных эта цифра увеличивалась до 4000 калорий. Приходящие пользовались бесплатно горячим завтраком (одно блюдо — в большинстве случаев мясное — и чашка какао). Так широко поставить питание детей удалось, конечно, только благодаря той щедрости, с которой пришел этому на помощь сначала Американский, а начиная с мая месяца Международный Красный Крест.

Своеобразное положение школы на чужбине, полное отсутствие каких бы то ни было высших органов управления, регулирующих школьную жизнь, естественно выдвинуло Попечительный Совет на первое место и придало ему роль главного руководящего органа; вот почему в своей деятельности Попечительному Совету пришлось не ограничиться исключительно финансово-хозяйственной отраслью, а взять на себя и окончательное разрешение многих вопросов воспитательно-учебного и административного характера. Считая, что одной из главных основ национального воспитания является развитие религиозного чувства среди учащихся, Попечительный Совет в одном из своих заседаний в марте месяце поднял вопрос о создании при гимназии собственной церкви.

Дети с восторгом приняли известие об этом решении и энергично принялись за работу: исключительно руками учащихся были сделаны Царские Врата, полукруг над ними, иконостас, три аналоя, престол и жертвенник; девочками были вышиты пелены на аналои, воздухи, облачения на престол и жертвенник. Как и во всех начинаниях гимназии, на помощь пришел м-р Уитимор. Как-то плохо даже верится теперь, что в течение какого-нибудь месяца действительно был создан *свой* гимназический храм, и уже 23 апреля состоялось его торжественное освящение. Условия беженства, масса пережитых несчастий — всё это создавало наиболее благоприятную почву для того, чтобы искать утешения у Престола Господа, — и гимназическая церковь с первых же дней своего существования сделалась любимым местом учащихся!

Насколько интенсивна была работа Попечительного Совета видно хотя бы из того, что его заседания происходили неукоснительно каждую неделю и им было вынесено 408 постановлений, регулировавших и направлявших жизнь гимназии.

Исполнителем всех предначертаний Педагогического и Попечительного Совета, единственным, так сказать, «исполнительным аппаратом» в начале был директор гимназии, но ясно, что при развившейся быстрым темпом школе-интернате одному человеку оказалось это не под силу, и уже в половине марта была создана Попечительным Советом должность помощника директора. В его ведении была сосредоточена вся учебная часть, а за директором оставлена общая ответственность за гимназию, ведение воспитательской частью и ведение административно-хозяйственной отрасли.

Несмотря на видимое благополучие, уже с мая месяца начали сказываться грозные признаки финансовых затруднений, сначала они были едва заметны и не очень

беспокоили, но заставляли всё же серьезно подумывать о будущем; эти признаки сказывались в систематическом уменьшении ежемесячных поступлений в кассу гимназии: от 6308 турецких лир (в апреле), постепенно понижаясь, они дошли до 3378 т. л. (в октябре). Держатели стипендий ежемесячно говорили о возможном прекращении помощи; в апреле месяце прекратил систематическую помощь Американский Красный Крест, в том же месяце прекратились стипендии баронессы Врангель, стали сильно (иногда на месяц) задерживаться и другие поступления — словом гимназия начинала испытывать материальные затруднения. Правда, Главный Комитет В. С. Г. употреблял все силы, чтобы не дать почувствовать этих затруднений, не раз мы слышали ободряющий голос Председателя: «если придется, мы закроем все учреждения Союза, закроем даже представительство в Константинополе, но сохраним гимназию . . .» Правда, всё так же иностранцы проявляли неослабевающий интерес к гимназии и часто появлялись и на уроках, и в столовой, и в самые неожиданные часы; каждый их приезд приходилось слышать много восторга, много лестных отзывов о постановке дела и системе воспитания (таких посещений, как мы их шутя называли «иностранных ревизий», было за год 65!). Но для руководителей школы всё яснее и яснее становилась мысль, что больше года гимназия в таких условиях просуществовать не сможет. Когда же в июле месяце последовало распоряжение Земско-Городского Комитета в Париже о сокращении расходов с предупреждением, что получение в прежнем размере может быть обеспечено самое большое до октября, то А. В. Жекулина забила тревогу: она немедленно поехала в Париж и другие центры Европы «изыскивать средства».

Август прошел в тяжелом сомнении: «удастся или не удастся?!» Во время своей поездки по разным странам Европы А. В. Жекулина заехала и в Прагу. Здесь она встретила необычайно радушный, чисто родственник прием со стороны Чешского Правительства, которое поняло важность затронутого вопроса и с братской отзывчивостью решило оказать помощь: оно изъявило согласие принять гимназию в составе 550 учащихся и около 100 человек персонала (с членами их семейств) на полное иждивение, обеспечивая существование учреждения по крайней мере на год.

Необычайную радость вызвало это известие, как в среде учащихся, так и между персоналом. Начались сборы, формирование нового комплекта, хлопоты об устройстве переезда, и 31-го октября директор и вновь назначенный делопроизводитель гимназии уже выехали в Чехословакию для окончательных переговоров с Министерством Иностранных Дел и подготовки помещения. К сожалению, вопрос этот сильно затянулся, и фактический переезд начался только с 18 декабря. Вся гимназия была разделена на 14 групп и ежедневно из Константинополя выезжало по одной группе. Расходы по перевозке гимназии были взяты на себя Лигой Наций, а самая организация переезда была поручена представителю Международного Красного Креста.

В общем переезд прошел благополучно, и 5-го января 1922 г. прибыли в Моравскую Тржебову последние партии учащихся и персонала. Главным Комитетом В. С. Г. немедленно были посланы благодарственные телеграммы Президенту Республики, Премьер-Министру д-ру Бенешу и Министру по русским делам д-ру Гирсе. От последнего на следующий же день была получена чрезвычайно теплая приветственная телеграмма, с пожеланием забыть в родственной земле тяжкие испытания и работать на благо будущей России.

Так закончился первый, «Константинопольский» период существования гимназии и начался новый — «Моравско-Тржебовский». Что дал этот период, — об этом пусть скажет «Очерк гимназии В. С. Г. в Моравской Тржебове . . .»

А. Петров,

б. директор I Константиноп. гимн. В. О. Г.